

Научная статья

УДК 130.2 + 304.44 + 159.953 + 32.019.51 + 316.485.6 + 355.292(597) + 316.7(73)

doi 10.15826/tetm.2023.2.052

Память о войне во Вьетнаме в американской культуре 1970-х: стратегии репрезентации фигуры ветерана

Антон Андреевич Сысолятин¹, Денис Вячеславович Слепченко²

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург,
Россия*

¹anton.sysoliatin@urfu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5059-6744>

²foobar201@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4039-374X>

Аннотация. В статье рассматриваются формирование проектов постконфликтного человека в культуре США после войны во Вьетнаме и связанный с ними процесс «индустриализации памяти». Цель статьи — критически рассмотреть роль СМИ, общественных и академических дискуссий, кинематографа и литературы в формировании постконфликтного института «индустрии памяти» в США с конца 1970-х гг. и показать, как происходит тривиализация травмы в культуре постконфликтного периода, что приводит к рождению целой индустрии вокруг коллективной памяти, абсорбирующей и замещающей персональный опыт участников конфликта. Кроме того, дается оценка продуктивного потенциала рассмотренных проектов человека для осмысления опыта насилия и построения постконфликтного общества.

Ключевые слова: вьетнамский синдром, травма, коллективная память, насилие, постконфликтное общество, проектирование человека

Для цитирования: Сысолятин А. А., Слепченко Д. В. Память о войне во Вьетнаме в американской культуре 1970-х: стратегии репрезентации фигуры ветерана // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 2. С. 57–68. <https://doi.org/10.15826/tetm.2023.2.052>

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 23–18–00851 «Проектирование человека в постконфликтной ситуации: концепции, институции и практики» (<https://rscf.ru/project/23-18-00851/>).

The Memory of the Vietnam War in American Culture During the 1970s: Strategies for Representing the Veteran Figure

Anton A. Sysolyatin¹, Denis V. Slepchenko²

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

¹*anton.sysolyatin@urfu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5059-6744>*

²*foobar201@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4039-374X>*

Abstract. The article analyses a formation of postconflict human development projects in the USA culture after the Vietnam War and related to them process of “industrialization of memory”. The purpose of this research is to critically examine a part of mass media, public and academic discussions, cinema and literature in creation of postconflict institute of “memory industry” in USA since late 1970s and to demonstrate, how trivialization of trauma in postconflict culture leads to rising of industry, which employs collective memory, absorbing personal experience and producing its substitutes. In conclusion we evaluate productive potential of analyzed human development projects for conceptualization of violence and design of postconflict society.

Key words: Vietnam syndrome, trauma, collective memory, violence, postconflict society, human development projects

For citation: Sysolyatin, A. A., Slepchenko, D. V. (2023). Pamyat' o voine vo V'etname v amerikanskoj kul'ture 1970-kh: figura veterana kak antropologičeskaja problema [The Memory of the Vietnam War in American Culture During the 1970s: Strategies for Representing the Veteran Figure]. *Tempus et Memoria*, 4, 2, 57–68. <https://doi.org/10.15826/tetm.2023.2.052>

Acknowledgments: The research was conducted at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00851 “Recovering humanity in post-conflict situation: concepts, institutions, practices” (<https://rscf.ru/project/23-18-00851/>).

Проблематика коллективной и культурной памяти занимает значительное место в современных гуманитарных исследованиях как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Объединяющей чертой исследований памяти становится обращение к проблематичным и кризисным моментам, «травмирующим разрывам», которые, существуя словно бы «в фоновом режиме» в культуре, определяют наше восприятие настоящего и формируют индивидуальные и коллективные практики работы с опытом прошлого. В отличие от европейской традиции и примыкающих к ней отечественных исследований, фокусирующихся на изучении специфики формирования индивидуальной и коллективной памяти в конфликте традиций и инноваций, американская философия культуры выстраивает свое проблемное поле вокруг взаимосвязи травмы и памяти. Кроме того, американская интеллектуальная культура ярче реагирует на современные

изменения восприятия времени (так называемую традицию постмодерна) и фокусирует исследовательскую точку зрения не на вероятное проектируемое будущее, а на конкретное настоящее с его сложной, содержащей «разрывы» и «слои» внутренней архитектурой.

Новый исследовательский «бум» вокруг темы памяти был связан с интегративными политическими процессами на территории современной Европы и вызван к жизни запросом на обоснование новой идентичности и пересмотр классических принципов историзма, выстроенного на национальном самоопределении. В исследованиях П. Нора [Нора], Й. Рюзена [Рюзен], А. Ассман [Assmann] основное место занимают проблемы культурной памяти (механизмы и способы восприятия традиции и обеспечения преемственности культуры), а также практики конструирования социальной идентичности. В американской интеллектуальной культуре, тяготеющей

к прагматической традиции, комплекс тем, объединенных проблематикой памяти, выстраивается совместно с традицией исследований травмы, базирующихся на анализе персонального опыта и практик организации его носителей («аффективные сообщества») [The Affective Turn...]. Это представители подходов «культурной социологии», интеллектуальной истории, а также собственно теоретики травмы (Д. Александер [Alexander], Д. ЛаКапра [LaCapra], Ш. Фелман [Felman], Р. Лейс [Leys]).

В отечественной интеллектуальной культуре значительная часть дискуссий о памяти остается политически ангажированной и на фоне конфликтных взаимоотношений на внешнеполитической арене выстраивается вокруг войны за память и традицию. Центральным конфликтом, организующим современное проблемное поле, выступает Вторая мировая война, память о которой служит источником обоснования современной политической риторики и практики. В исследовательском плане это выражается в концептуальной фиксации вокруг понятия «историческая память».

Философское крыло отечественных исследований представлено работами по социальной философии, продолжающими европейскую линию в изучении традиции в ее связи с индивидуальной и культурной памятью, а также практиками, эту память организующими, в сферах медиа, психиатрии и урбанистики (А. И. Макаров [Макаров], Л. Ю. Логунова [Логунова], Е. В. Романовская [Романовская], О. В. Мороз [Мороз, Суверина], Е. Г. Трубина, С. А. Ушакин [Травма: Пункты...]). Критический заряд этих исследований нацелен на публичную сферу и фиксацию практик манипуляции коллективной памятью. Кроме того, значимым моментом и для отечественных, и для зарубежных исследований памяти остается проблематизация актуальных теоретических обобщений и их согласование с разнородным эмпирическим материалом для оценки применимости этих исследовательских моделей к современным социально-культурным проблемам и вызовам в свете кризисных событий XX в. и конфликтным потенциалам текущего времени.

В центре нашего рассмотрения окажется постконфликтная культура в США 1970-х гг., сформированная целым комплексом

последствий вьетнамской военной кампании. Мы проанализируем противоречивое влияние СМИ, общественных и академических дискуссий, литературных и кинематографических произведений на осмысление опыта насилия в послевоенном американском обществе, чтобы оценить потенциал различных предложенных обществу проектов, выстраивающих образ постконфликтного человека.

Война во Вьетнаме несомненно оказала значительное влияние на американское общество и культуру, а ее последствия, начиная с первого послевоенного десятилетия, являются частью напряженной публичной и академической полемики. Представители консервативного направления (У. Колби [Colby], М. Банди [Bundy]) оценивали итоги военной кампании как ситуативную неудачу, которая демонстрирует недостатки и ошибочные решения администрации демократов. С середины 70-х гг. консерваторы активно выступали с критикой концепции «вьетнамского синдрома» как симптома идейного и морального поражения американского общества и разрабатывали коммеморативные практики, реабилитирующие и включающие в контекст «славной» американской истории ветеранов Вьетнама. Либеральное направление рассматривало негативные социальные последствия военной неудачи как глобальный слом ценностной системы, стоящей в основании американского общества, а также как подрыв международных позиций США, особенно опасный на фоне противостояния двух мировых идейных и политических систем. Оценивая негативно политику интервенционизма, сторонники этого направления в политическом поле выступали за ограничение военного вмешательства в региональные конфликты, а на уровне академических исследований фокусировались на исследовании элитных групп и деятельности президентских администраций (Р. Ньюштадт [Njustadt], Д. Андерсон [Anderson]).

Широкий спектр исследований (от новой исторической науки до школы психоистории) можно отнести к третьей альтернативе, несущей критический заряд по отношению к официальной политической риторике, сопровождавшей вьетнамскую кампанию, и активно привлекающей в академические дискуссии в качестве источников свидетельства

американских солдат, дезертиров, вьетнамских беженцев, материалы судебных процессов, связанные с расследованием военных преступлений американской армии во Вьетнаме. Представители данного направления анализируют причины кризиса доверия к власти, влияние опыта Вьетнама на убеждения и ценности рядовых американцев, влияние изменений общественного мнения на работу администраций президентов и сами личности руководителей, принимавших ключевые решения в ходе военного конфликта (Г. Колко [Kolko], Л. Якобс, Р. Шапиро [Jacobs, Shapiro], Э. Дин [Dean]).

Несмотря на разнородность представленных позиций, общий тон исследований задавался самым неоспоримым фактом влияния вьетнамской военной кампании на взаимоотношение общества и элитных групп в США, конфликтная природа которого кристаллизуется в понятии «вьетнамский синдром». Разработка этого понятия и внесение его в американский диагностический стандарт, продвигавшиеся частью психиатрического сообщества и отдельными исследователями (Р. Лифтон [Lifton]), стали полем не только для академических дискуссий, но также и для многочисленных политических оценок.

Историк и исследователь американского дискурса травмы и памяти Ф. В. Николаи отмечает, что при значительном количестве отечественных исследований, посвященных военной кампании США во Вьетнаме и ее последствиям для американского общества, тема коллективной травмы рассматривается в основном как базовый элемент реконструкции внешней политики США и внутривластного кризиса доверия администрации президента, что не объясняет «медиализацию дискурса» в американской историографии, выражающуюся в освоении исследователями аффективной образности при описании «вьетнамского синдрома» (к примеру, «внутренние раны» нации) [Николаи, 99].

Николаи обращает внимание на то, что за военной кампанией во Вьетнаме скрывается требующая объяснения статистическая диспропорция, принципиально отличающая этот военный конфликт от предшествующих. От различных последствий войны (отложенные воздействия применявшихся отравляющих

веществ, самоубийства и иные проявления посттравматического стрессового расстройства среди ветеранов) погибло или оказалось травмировано на порядок больше людей, чем за время самих боевых действий (сотни тысяч пострадавших после завершения конфликта против десятков тысяч погибших на войне) [Нагорян, 58]. При рассмотрении этой диспропорции, по мнению Николаи, необходимо учитывать специфическую «логику интернализации: люди не просто занимают некую позицию в отношении войны, но ощущают ее частью своей собственной истории» [Николаи, 100]. Иными словами, вьетнамский конфликт стал событием, сформировавшим идентичность целого поколения американцев, для которых он является неотъемлемой частью их персонального опыта не столько по причине растиражированности образов конфликта в СМИ, сколько по причине изменения способа репрезентации травмы.

Главной проблемой, которую необходимо было разрешить постконфликтной американской культуре уже «невоенными методами», стала проблема освоения опыта насилия и реинтеграция в мирный порядок жизни его носителей (комбатантов, ветеранов). Во второй половине 70-х и в 80-е гг. общественные и политические организации ведут активную деятельность по реабилитации ветеранов: открытие центров психологической помощи и программ медицинского страхования, проведение памятных и праздничных мероприятий, открытие мемориальных центров, посвященных участникам вьетнамской войны, допуск отставных военных к политической деятельности [Кузнецов]. Однако сам опыт высвободившегося насилия, с которым ветераны вынуждены были столкнуться, оставался неартикулированным, замещался идеологическими конструкциями и психиатрическими диагнозами. К примеру, под давлением общественности и СМИ в середине 70-х гг. в США начинается разработка новой психиатрической классификации DSM-III, в которую впервые входит термин «посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР) [Николаи, Кобылин, 117]. При неоспоримом позитивном влиянии различных реализуемых программ поддержки на судьбу ветеранов личный опыт участников конфликта постепенно вытеснялся медиализированным

дискурсом, который затем был перенесен на все американское общество как на обобщенного субъекта вьетнамской травмы [Николай, 100]. Представители власти, общественных организаций и академического сообщества шли по пути экспертного присвоения опыта насилия и создания тиражируемых форм работы с ним. Так художественная культура оказалась полем, в котором, наряду с фабрикацией идеологически ангажированных смыслов и образов, стал возможен «реванш» персонального опыта участников конфликта.

Вьетнам был первым военным конфликтом США, который широко транслировался по телевидению, не случайно в экспертной среде за ним закрепилось расхожее наименование первой «войны в гостиной». Подавляющий процент медиа, аккредитованных американским командованием для освещения военных действий во Вьетнаме, представляли сотрудники телекомпаний. Более двух тысяч журналистов, а также технический персонал и редакторские отделы на регулярной основе работали в зоне боевых действий. При этом аккредитованные СМИ обладали значительным уровнем доступа к информации о ходе и принципах ведения боевых действий благодаря политике максимальной открытости в освещении конфликта, избранной американским руководством с целью поддержания высокого уровня общественного одобрения военной кампании на начальном этапе боевых действий [Соколова, 207, 208].

Беспрецедентная визуализация войны в фотографиях и видеорепортажах и постоянный общественный дискурс вокруг конфликта сделали многих американских деятелей культуры впервые политически активными. Вплоть до конца 60-х гг. эстетическим консенсусом для большинства художественных институций США являлась идея о том, что искусство и политика не должны смешиваться. Мир искусства активно критиковал откровенно политически ангажированные произведения на тему войны, такие как фильм «Зеленые береты» (1968), а многие признанные в то время деятели искусства (например, художник Ф. Густон) занимали выжидающую позицию и публично не показывали работы, которые как-либо комментировали конфликт. В мире искусства сложилась своего рода ортодоксия,

которая расценивала передовое искусство исключительно как автономное и вневременное, а доминирующий художественный дискурс предполагал разделение между эстетическим и политическим выражением.

Однако с конца 60-х в искусстве США прослеживается возрождение откровенно аффективной образности, включая аллюзии на тему уязвимости и хрупкости тела; многие художники начинают использовать репортажи и достижения фототехники в качестве материала для искусства (Х. Хааке, Д. Хюблер), чтобы передать ощущение всепроникающего влияния войны на память и идентичность. После завершения вьетнамской кампании складывается новый тип рефлексии на тему конфликта, который американский писатель вьетнамского происхождения Вьет Тхан Нгуен называет «индустриализацией памяти» [Nguyen, 13]. Рассмотрим более детально некоторые примеры литературной адаптации «окопной истории» для выражения травматичного опыта ветеранов и противоположные им по замыслу примеры культурной индустрии, замещающей личный опыт и производящий коллективный продукт памяти.

Образ участника вьетнамской войны, конструируемый в журналистских и художественных текстах 70-х гг., существенно отличается от мученического образа, ставшего привычным в последующие десятилетия. Многие из написанных в 70-е гг. текстов пытались выразить «окопную» правду боевых будней и показать американского солдата самого по себе, за рамками контролируемого патриотического дискурса. Их авторами зачастую являются бывшие солдаты или пробывшие продолжительное время во Вьетнаме вместе с армией журналисты, в силу чего эти произведения склонны отдавать предпочтение личному взгляду, отвлеченному от политической повестки.

Одним из таких произведений является книга Майкла Герра «Репортажи», опубликованная впервые в 1977 г. Преимущественным ее содержанием выступают описания событий, которые автор наблюдал лично на поле боя среди солдат. Герр представляет обескураживающую картину своеобразного торжества насилия, которое становится предметом почитания и страха для участников войны: «Врач расхвстался при мне, что отказался пустить к себе

в больницу раненого вьетнамца. “Господи боже, вы же давали клятву Гиппократата!” — вскричал я, на что у врача был заранее готов ответ: “Да. Но я давал ее в Америке”. Однажды я познакомился с полковником, предлагавшим ускорить завершение войны, сбросив рыб пиранья на рисовые поля Северного Вьетнама. Полковник говорил о рыбе, а в мечтательных его глазах стояла многомиллионная смерть» [Herr, 60]. Воюющие люди, кажется, не тягостятся насилем, несмотря на то, что оно производит в них глубокие трансформации. Герр говорит о войне как о безумном наваждении, как о сновидении, потерявшем связность, и тем не менее он показывает, что люди, пришедшие воевать, охотно включаются в это безумие.

Логика, стоящая за кошмаром войны, проясняется Герром через обращение, которое производят и сами участники тоже, к одному из ключевых элементов американской культуры, освоению фронта, «Дикому Западу». «Пошли, — сказал капитан, — возьмем вас поиграть в ковбоев и индейцев» [Ibid., 60]. Вьетнам становится для солдат символическим фронтом, куда цивилизованный человек приходит, чтобы присвоить себе дикие земли, которые аборигены оказались не способны контролировать. Парадокс цивилизованности заключается в том, что герои фронта ничем не ограничены и присваивают себе право игнорировать требования той самой цивилизованности, от лица которой они приходят. Люди отдались насилем во Вьетнаме, показывает Герр, потому что сама культура подсказывала им этот путь: найти новый Дикий Запад, где волевой человек может поступать так, как ему вздумается [Дуров, 179]. Болезненная привязанность к Вьетнаму связана в контексте «Репортажей» не столько с полученной травмой, сколько со страхом участников войны признать себе в согласии с происходящим: «И в этой точке каждый из нас знал все без утайки о любом другом — что все мы здесь на самом деле по собственной воле» [Herr, 27].

Созвучно книге Герра изображение участников войны в тексте Ларри Хайнманна «Ближний бой» также 1977 г. Автор получил литературное образование вскоре после возвращения с военной службы из Вьетнама в 1968-м, в силу чего «Ближний бой», первый опубликованный им роман, имеет характер мемуаров.

Он передает речь солдат, весьма вероятно, в том самом виде, в котором он сам ее слышал, и состав этой речи показывает нечто весьма примечательное. На протяжении всего текста не удается найти каких-либо обозначений для местных жителей — как союзников из Южного Вьетнама, так и противников из Северного, кроме разговорных уничижительных вариантов. Слова «вьетнамец» и «вьетнамский» практически отсутствуют в тексте, также отсутствуют и идеологические противопоставления: «коммунист» и т. п. Вместо всего этого чрезвычайно часто используется слово «гук» (gook). Точное происхождение этого слова неизвестно, но можно относительно уверенно говорить о том, что это американизм, оформившийся в первой трети XX в. и описывающий людей из Юго-Восточной Азии и территорий вокруг Карибского моря [Roediger]. Некоторые гипотезы, объясняющие его происхождение, в целом позволяют считать его аналогией слова «варвар», т. е. обозначением человека, который не способен внятно говорить. Характер применения этого слова во время Второй мировой войны и после нее показывает расширение списка народов, к которым оно может относиться: фактически любой «абориген», не американец, может быть назван гуком.

Специфическая черта речи участников вьетнамской войны, демонстрируемая в книге Хайнманна, подкрепляет образ солдата, обнаруженный в «Репортажах» Герра. Вьетнам для американских солдат — это варварская страна, населенная кем-то, кто не является в том же смысле людьми, в каком сами американцы являются людьми. Они отказывают им не только в уважении, но и в том, чтобы считать их нормальным противником, имеющим лицо и имя. Южные и северные вьетнамцы воспринимаются не столько опасными и непонятными чужаками, сколько чужеродной безличной силой, по отношению к которой насилем является естественной и неизбежной реакцией [Heinemann].

Образ ветерана Вьетнама, человека с фронта, волевого и не склонного к глубокой рефлексии относительно окружающего его насилия, кристаллизован в одном из самых известных героев массовой культуры Джоне Рембо. Появляется он как один из главных героев романа Дэвида Моррелла «Первая

кровь» в 1972 г. Автор не был ни прямым участником боевых действий, ни журналистом, посетившим Вьетнам, что позволяет говорить об образе Рембо не как об отражении личного опыта войны, а как о полноценной символизации, распространившейся затем в культуре. Следует сразу отметить, что отличия между романом и его известнейшей экранизацией 1982 г. заключаются не только в измененном финале (погиб Рембо или остался жив): сам строй повествования содержит множество концептуальных различий в том, как репрезентирован ветеран Вьетнама и как он воспринимается окружающими людьми.

Моррелл в более позднем предисловии к переизданию романа писал, что хотел показать «столкновение философий» на территории США, вызванное вьетнамской войной: что Вьетнам принес символическую войну на территорию самих США, между самими гражданами [Morrell, 10–11]. Ради этого он структурировал текст как чередование глав, где основным рассказчиком выступает протагонист Рембо, с главами, где события описываются от лица его противника, местного шефа полиции Тизла. Их противостояние, по мысли автора, должно было выразить мировоззренческий разрыв между поколениями: людьми времен Вьетнама и людьми времен корейской войны. Сам же текст романа демонстрирует иную атмосферу и достигает, как нам представляется, противоположного результата, нежели задумывал автор.

Прежде всего вычленив в произведении как таковое столкновение мировоззрений затруднительно, поскольку ни Рембо, ни Тизл не уделяют сколько-нибудь заметного времени рефлексии своих переживаний и действий. О том, что Тизл — ветеран корейской войны, мы знаем благодаря одному замечанию Рембо, и в дальнейшем пережитая война никак не тематизируется самим шефом полиции. Тизла волнуют бегство жены и начинающееся старение, а также то, что небритый бродяга Рембо отказывается уважать его. Его не пугает перспектива насилия, он, кажется, не несет на себе его заметных следов; во всяком случае, не выглядит его жертвой. Тизл — человек действия, в возникшем кровавом противостоянии ему хочется победить.

Рембо, несмотря на слова автора о том, что он хотел изобразить юного человека,

прошедшего войну и принесшего с собой оттуда посттравматическое расстройство, также не удастся опознать как жертву насилия при чтении романа. Есть всего лишь несколько фрагментов, в которых главный герой дает оценку своим действиям и пытается осознать причины своих поступков. Приведем цитаты: «Мертвые животные лежали здесь и там, скорее всего их сбили машины. Это была еще одна вещь, которую ему подарила война: он стал замечать мертвечину намного чаще. Замечать без ужаса, а с любопытством: как так вышло, что эта штука умерла. <...> Почему бы тебе не привести себя в порядок? Потому что. Стрижка лишь растратит деньги, на которые ты можешь купить еду. Нельзя ночевать в лесу и ждать, что ты будешь выглядеть как принц. Но для чего тебе ходить на людях в таком виде? Зачем сейчас идти обратно в город? Почему это так важно? Потому что. У меня есть право решать самому, остаюсь я или нет. И никто не будет решать это за меня» [Morrell, 24]. Рембо несколько раз, в том числе уже вступив в войну с местной полицией и прячась в лесу, повторяет этот внутренний монолог, приходя каждый раз к одному и тому же выводу: да, я стал лучше себя контролировать, я мог бы отступить, но я просто не хочу позволять другим собой командовать; я могу победить — значит останавливаться нельзя. Он не ощущает себя жертвой насилия. Мы можем сделать вывод о том, что Рембо травмирован войной, но сам герой относится к пережитым ужасам просто как к фактам своей жизни. Это не меняет характер его действий.

Роман, в отличие от фильма и во многом именно благодаря своей структуре с чередованием рассказчиков, показывает нам ситуацию открытого противостояния двух волевых мужчин, которые имеют разные мотивы для того, чтобы позволить насилию завладеть собой, но оба одинаково разделяют готовность насилие применять. Мы наблюдаем в книге столкновение двух героев, для которых насилие естественно. Победа — их основная ценность во всех происходящих событиях и цель их действий. Крайне показателен фрагмент из финала произведения, где умирающий Тизл дает свою оценку случившемуся: «Он [Тизл] подумал об Анне еще раз, и это вновь было совсем неинтересно. Подумал о своем доме

в холмах, который он ставил собственными руками... и это было не интересно ему точно так же. Он подумал о парнишке [Рембо], и любовь к нему поглотила его целиком» [Morrell, 241]. Тизл перед смертью испытывает нежность к человеку, который позволил ему вновь ощутить трепет от схватки: война не просто естественна для него, но и позволяет почувствовать себя по-настоящему живым. Финал фильма 1982 г. составляет практически прямую противоположность финалу книги, поскольку в фильме Рембо признается в своем бессилии, рыдает на груди своего бывшего командира и вспоминает погибших товарищей [Giler, Stallone, 119–120].

Контраст между фильмом и романом заключается также еще в одной важнейшей сцене, добавленной в сценарий и отсутствующей в книге. В одной из первых сцен, где Рембо впервые появляется на экране, он беседует с матерью своего сослуживца: придя навестить его, он неожиданно узнает о том, что его друг скончался от рака, уже после войны [Ibid., 7]. Благодаря этому разговору в самом начале фильма мы получаем ключ к интерпретации дальнейшего насилия со стороны Рембо. Оказывается, что он ввязывается в схватку не просто из-за оскорбленного самолюбия, а ради восстановления справедливости: Рембо мстит за всех бойцов, прошедших Вьетнам, которых собственная страна унижает. Благодаря этой сцене меняется тональность происходящего в фильме, несмотря на то что его сюжет практически полностью повторяет сюжет романа. Рембо предстает теперь не участником дуэли, которым движет желание показать свое превосходство, а героем справедливой мести, который не смог больше сдерживать свой гнев. Рембо в фильме становится борцом за справедливость, и его склонность к насилию теперь символически противопоставлена насилию Тизла. Ветеран Вьетнама больше не кажется нам «ковбоем», решившим испытать свою силу в схватке с властью: он вынужден прибегнуть к насилию, поскольку порядок вещей вокруг него неприемлем, и он хочет повлиять на него.

Это различие между справедливым насилием, а тем самым и ограниченным, и насилием прямым и ничем не сдерживаемым имеет принципиальное значение для вопроса о том, каким образом культура справляется с опытом

войны. Философ Петар Боянич, комментируя рассуждения о насилии Э. Левинаса, обращает внимание на институтирующий характер ограниченного насилия: «Деяние несправедливое или справедливое (разумное) заключает в себе насилие по той, вероятно, причине, что оно приносит боль и страдание другому (злему, не-праведнику). Тем не менее такое насилие не может упразднить ни справедливость, ни разумный характер. Даже наоборот: насилие не может ни скрыть, ни предать забвению государство, сообщество, марширующую колонну, Церковь или религию. Горечь, что остается во рту... образует условие свидетельства, что насилие имело место (и что оно неотвратимо) и что всегда будет существовать извечная ответственность по отношению к нему» [Боянич, 152–153]. Боянич показывает, что условием справедливого насилия и основанием возникающего из него порядка институций, которые в насилии уже не нуждаются, является насилие, претерпеваемое другим со стороны кого-то третьего [Там же, 154]. Насилие становится справедливым благодаря тому, что оно противопоставляет себя иному насилию не ради себя самого, а ради страдающего другого.

Идея насилия, которое само себя ограничивает с помощью другого, т. е. направленное не на другого, а на кого-то третьего, является ключевым элементом, разделяющим роман «Первая кровь» и его экранизацию. Рембо позиционируется в рамках фильма как агент справедливости, и в силу этого он становится не просто источником опасности, который нужно укротить, но более сложной фигурой: одновременно и агрессором, и жертвой. Повествование заставляет нас сочувствовать Рембо и его погибшим сослуживцам, в то же время мы не можем не чувствовать угрозу, исходящую от него. Финал фильма концептуально замыкает образ справедливой борьбы, которую ведет протагонист: вместо опасного десоциализированного мужчины мы видим перед собой фактически ребенка, который хочет встроиться обратно в нормальный порядок жизни, но его постоянно лишают этой возможности. Ожидания автора в определенном смысле оправдались: пусть в самом романе идейное противостояние оказалось не выраженным, некое «философское» противоречие наблюдается между текстом

и экранизацией. Последняя является попыткой символически вернуть с фронта ветеранов Вьетнама и показать, что они остаются частью цивилизованной жизни, поскольку в действительности не хотели воевать.

Адекватная оценка «человека фронта» и «агента справедливости» как способов проектирования человека, столкнувшихся в американской культуре после вьетнамской войны, подразумевает не просто выбор между ними с точки зрения их эффективности для построения постконфликтного общества, но требует также определения их основного антропологического фокуса. Войнственное общество, ориентированное на экспансию и распространение «своей» цивилизации, может быть непривлекательным образом для некоторых людей, однако такое общество возможно и представимо. Точно так же представимо общество, которое стремится отстаивать справедливость в качестве своего идеала и ради него разрешает насилие во внутреннем и внешнем контекстах, если оно служит ключевой ценности. Однако если концентрироваться не на прагматических проблемах, связанных с выбором между двумя проектами, а на концептуальных различиях, то мы увидим, что дистанция между справедливым и открытым насилием никогда не бывает достаточной. В ситуации, когда мы говорим о конфликте внутри культуры, невозможно провести ясное различие между источником насилия и его жертвой. Боянич обращает внимание на парадокс, с которым сталкивается «агент справедливости» в случае, если ему приходится защищать одного своего ближнего от другого: «Тем не менее очевидно, что другие, которых надо защищать, являются теми же, от кого следует защищать каких-то других других» [Боянич, 158]. Нерешительность и потенциально бесконечная рефлексия сопровождают того, кто решается на насилие, будучи вынужденным предпочесть защиту одного защите другого. В этом положении никогда нельзя будет избавиться от сомнения в том, является ли предпринимаемое мною насилие справедливым или же открытым. Американская культура после Вьетнама столкнулась с этим парадоксом и, вероятно, оказалась не в состоянии сделать какой-либо определенный выбор, что, в свою очередь, дало основание для формирования третьего проекта человека, «травмированного

ветерана», который стал своего рода паллиативным решением сложившейся проблемы.

Большой объем культурного производства в США 1970–1980 гг., посвященного войне во Вьетнаме (прежде всего выпущенных фильмов, исчисляющихся сотнями), не позволяет считать сформулированные нами проекты постконфликтного человека исчерпывающим описанием происходившего в американском обществе того времени коллективного осмысления полученного опыта насилия. Однако нельзя не заметить, что тематизация Вьетнама как нового фронта ставит носителей культуры перед одним и тем же набором проблем: может ли быть дано моральное основание осуществленному насилию и создана такая форма культуры, которая позволит нетравматично инкорпорировать в нее людей, ставших агентами насилия. Образы ветеранов Вьетнама, описанные нами, не следуют один за другим в жесткой хронологии: среди наиболее известных фильмов 1970 гг. легко указать те, в которых содержится идеологически выверенный образ комбатанта как «агента справедливости» или критически заряженный образ «травмированного ветерана» (ярким примером является художественный фильм «Охотник на оленей», 1978). Несмотря на это, мы считаем возможным говорить о концептуальных границах, соответствующих сформулированным выше образам ветерана и отделяющих разные десятилетия послевоенного времени друг от друга. «Человек фронта» стал своего рода первичной артикуляцией проблемы насилия внутри культуры, а затем эта проблема в череде общественных, политических и академических дискуссий окончательно оформилась в дискурсе травмы.

Итак, мы видим, что послевоенная ситуация в американской культуре 70–80-х гг. является ярким примером концентрированных усилий со стороны общества и искусства по осмыслению перенесенного опыта войны. Задача, стоявшая перед культурой, заключалась не просто в восстановлении консенсуса, разрушенного антивоенной критикой, но также и в том, чтобы определить, каким образом изменились границы самой культуры, распатанные войной. Мы считаем, что попытка абсорбировать опыт насилия через поглощение персонального опыта участников войны всем обществом в виде «вьетнамского синдрома» привела к тому, что

оригинальный опыт насилия не был полноценно отрефлексирован, в значительной мере он был утрачен и стереотипизирован внутри культуры, став в итоге частью «индустрии памяти» о войне. Адекватный ответ на такой опыт со стороны культуры предполагал бы прежде всего восстановление всего объема памяти, а также актуализацию личного голоса участников — в том числе голосов той культуры

(вьетнамской), которая стала объектом насилия. Попытки такой реартикуляции постконфликтной идентичности предпринимаются уже в современном искусстве американцев вьетнамского происхождения, привнося альтернативные способы художественной рефлексии по поводу конфликта (к примеру, романы «Сочувствующий» и «Преданный» Вьет Тхань Нгуена, опубликованные в 2015 и 2021 гг.).

Список источников

- Боянич П. Насилие и мессианизм / пер. с фр. О. Волчек. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2018.
- Дуров Б. Ю. Американцы и война в книге Майкла Герра «Репортажи» // Изв. ВГПУ. 2018. № 1(278). С. 176–179.
- Кузнецов Д. В. Невоенные методы преодоления «вьетнамского синдрома» в США в 1973/1974–2015 гг. // Американский ежегодник. 2016. № 2015. С. 99–126.
- Логунова Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 1, ч. 2. С. 227–253.
- Макаров А. И. Философия памяти и кризисы коллективной идентичности // Logos et Praxis. 2018. Vol. 17, № 1. С. 5–12.
- Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: История, репрезентация, свидетель // Новое лит. обозрение. 2014. № 1. С. 59–74.
- Николаи Ф. В. «Вьетнамский синдром»: память о войне и общественное мнение в США // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Нижевартовск, 8 февраля 2013 г.) / отв. ред. А. В. Коричко. Нижевартовск : Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2013. Ч. 1 : История идей и история общества. Проблемы всеобщей истории. С. 99–101.
- Николаи Ф. В., Кобылин И. И. Американские trauma studies и проблемы их транзитивности в России // Логос. 2017. № 5. С. 115–136.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Романовская Е. В. Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. 2010. № 1(57). С. 98–108.
- Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 7. С. 8–27.
- Соколова Д. В. Отношения СМИ и правительства США в годы вьетнамской войны // Век информации. Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны : материалы 53-й Международ. науч. конф. «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 23–25 апр. 2014 г.) / ред. коллегия: Л. П. Громова (отв. ред.), Г. В. Жирков, О. С. Кругликова. СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Выш. шк. журналистики и мас. коммуникаций», 2015. С. 204–214.
- Травма: Пункты : сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М. : Новое лит. обозрение, 2009.
- Alexander J. The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology. N. Y. : Oxford University Press, 2003.
- Anderson D. Shadows on the White House. Presidents and the Vietnam War, 1945–1975. Lawrence, Kan. : University Press of Kansas, 1993. 226 p.
- Assmann A. Re-framing Memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe / ed. by K. Tilmans, J. Winter. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2010. P. 35–50.
- Bundy M. C. Vietnam, Watergate and Presidency Powers // Foreign Affairs. 1979. Vol. 58, № 2. P. 397–405.
- Colby W. E., McCargar J. Lost Victory: A Firsthand Account of America's Sixteen-year Involvement in Vietnam. Chicago ; N. Y. : Contemporary Books, 1989.
- Dean E. T. Shook Over Hell: Post-Traumatic Stress, Vietnam, and the Civil War. Cambridge Mass. : Harvard University Press, 1997.
- Felman S. The Juridical Unconscious: Trials and Traumas in the Twentieth Century. Cambridge Mass. : Harvard University Press, 2002.
- Giler D., Stallone S. First Blood: Screenplay. Los Angeles : First Blood Production Inc., 1981–1982.
- Hagopian P. The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing. Amherst, MA : University of Massachusetts Press, 2009.
- Heinemann L. Close Quarters. N. Y. : Farrar, Straus, Giroux, 1977.
- Herr M. Dispatches. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1977.
- Jacobs L. R., Shapiro R. Y. Presidential Manipulation of Polls and Public Opinion: The Nixon Administrations and the Pollsters // Polit. Science Quart. New York, 1995/1996. Vol. 110, № 4. P. 519–538.
- Kolko G. Anatomy of a War: Vietnam, the US and the Model Historical Experience. N. Y. : New Press, 1985.
- LaCapra D. Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. Ithaca : Cornell University Press, 1983.
- Leys R. Trauma: Genealogy. Chicago : University of Chicago Press, 2000.

- Lifton R. J. *Home from the War: Vietnam Veterans: Neither Victims Nor Executioners*. N. Y. : Simon & Schuster, 1974.
- Morrell D. *First Blood*. N. Y. : M. Evans and Co., 1972.
- Nguyen V. T. *Nothing Ever Dies: Vietnam and the Memory of War*. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press, 2016.
- Njustadt R. *Presidential Power: The Politics of Leadership, With Reflection of Johnson and Nixon*. N. Y. : John Wiley & Sons, 1976.
- Roediger D. Gook: The Short History of an Americanism // *Monthly Review*. 1992. Vol. 43, iss. 10 (March).
- The Affective Turn: *Theorizing the Social* / ed. by P. T. Clough, J. Halley. Duke University Press, 2007.

References

- Alexander, J. (2003). *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press.
- Anderson, D. (1993). *Shadows on the White House. Presidents and the Vietnam War, 1945–1975*. Lawrence, Kan: University Press of Kansas.
- Assmann, A. (2010). Re-framing Memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past. In: Tilmans, K., Winter, J. *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*, 35–50. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Boyanich, P. (2018). *Nasilie i messianizm* [Violence and Messianism]. Ekaterinburg, Moskva, Kabinetnyi uchenyi.
- Bundy, M. C. (1979). Vietnam, Watergate and Presidency Powers. *Foreign Affairs*, 2, 397–405.
- Clough, P. T., Halley, J. (2007). *The Affective Turn: Theorizing the Social*. Durham: Duke University Press.
- Colby, W. E. (1989). *Lost Victory: A Firsthand Account of America's Sixteen-year Involvement in Vietnam*. Chicago, New York: Contemporary Books.
- Dean, E. T. (1997). *Shook Over Hell: Post-Traumatic Stress, Vietnam, and the Civil War*. Cambridge: Harvard University Press.
- Durov, B. Yu. (2018). Amerikantsy i voina v knige Maikla Gerra "Reportazhi" [Americans and the War in Michael Herr's Book "Dispatches"]. *Izvestiya VGPU*, 1, 176–179.
- Felman, S. (2002). *The Juridical Unconscious: Trials and Traumas in the Twentieth Century*. Cambridge: Harvard University Press.
- Giler, D., Stallone, S. (1981–1982). *First Blood: Screenplay*. Los Angeles: First Blood Production Inc.
- Hagopian, P. (2009). *The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing*. Amherst: MA, University of Massachusetts Press
- Heinemann, L. (1977). *Close Quarters*. New York: Farrar, Straus, Giroux.
- Herr, M. (1977). *Dispatches*. New York: Alfred A. Knopf.
- Jacobs, L. R., Shapiro, R. Y. (1995/1996). Presidential Manipulation of Polls and Public Opinion: The Nixon Administrations and the Pollsters. *Polit. Science Quart*, 4, 519–538.
- Kolko, G. (1985). *Anatomy of a War: Vietnam, the US and the Model Historical Experience*. New York: New Press.
- Kuznetsov, D. V. (2016). Nevoennye metody preodoleniya "v'etnamskogo sindroma" v SShA v 1973/1974–2015 gg. [Non-military Methods of Overcoming the "Vietnam Syndrome" in the USA in 1973/1974–2015]. *Amerikanskii ezhegodnik*, 2015, 99–126.
- LaCapra, D. (1983). *Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language*. Ithaca: Cornell University Press.
- Leys, R. (2000). *Trauma: Genealogy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lifton, R. J. (1974). *Home from the War: Vietnam Veterans: Neither Victims Nor Executioners*. New York: Simon & Schuster.
- Logunova, L. Yu. (2019). Istoricheskaya i sotsial'naya pamyat': paradoksy i smysly [Historical and social memory: paradoxes and meanings]. *Idey i idealy*, 1, ch. 2, 227–253.
- Makarov, A. I. (2018). Filosofiya pamyati i krizisy kollektivnoi identichnosti [Philosophy of memory and crises of collective identity]. *Logos et Praxis*, 1, 5–12.
- Moroz, O., Suverina, E. (2014). Trauma studies: Istoriya, reprezentatsiya, svidetel' [Trauma studies: History, representation, witness]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1, 59–74.
- Morrell, D. (1972). *First Blood*. New York: M. Evans and Co.
- Nguyen, V. T. (2016). *Nothing Ever Dies: Vietnam and the Memory of War*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Nikolai, F. V. (2013). "V'etnamskii sindrom" pamyat' o voine i obshchestvennoe mnenie v SShA ["Vietnam Syndrome": The Memory of the War and Public Opinion in the United States]. Korichko, A. V. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 99–101. Nizhnevartovsk, Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Nikolai, F. V., Kobylin, I. I. (2017). Amerikanskii trauma studies i problemy ikh tranzitivnosti v Rossii [American Trauma Studies and the Problems of Their Transitivity in Russia]. *Logos*, 5, 115–136.
- Njustadt, R. (1976). *Presidential Power: The Politics of Leadership, With Reflection of Johnson and Nixon*. New York: John Wiley & Sons.
- Nora, P. (1999). Problematika mest pamyati [Problématique des lieux de mémoire]. Khapaeva, D. *Frantsiya-pamyat'*, 17–50. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Roediger, D. (1992). Gook: The Short History of an Americanism. *Monthly Review*, 10.
- Romanovskaya, E. V. (2010). Fenomen pamyati: mezhdru istoriei i traditsiei [The phenomenon of memory: between history and tradition]. *Filosofiya i obshchestvo*, 1, 98–108.
- Ryuzhen, I. (2003). Utrachivaya posledovatel'nost' istorii [Losing the consistency of history]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*, 7, 8–27.

Sokolova, D. V. (2015). Otnosheniya SMI i pravitel'stva SShA v gody v'etnamskoi voiny [Relations Between the Mass Media and the US Government during the Vietnam War]. Gromova, L. P. *Vek informatsii. Zhurnalistika i voiny: k 100-letiyu Pervoi mirovoi voiny: materialy 53-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Sredstva massovoi informatsii v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya"*, 204–214. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Institut "Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsii".

Ushakin, S., Trubina E. (2009). *Trauma: punkty: Sbornik statei* [Trauma: items: Collection of articles]. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie.

Сведения об авторах

Сысолятин Антон Андреевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Слепченко Денис Вячеславович, магистрант департамента философии Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the authors

Anton A. Sysolyatin, Cand. Sci (Philosophy), associate professor Department of Philosophy of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Denis V. Slepchenko, master's student Department of Philosophy of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

*Статья поступила в редакцию 15.10.2023;
одобрена после рецензирования 30.10.2023;
принята к публикации 01.11.2023*

*The article was submitted 15.10.2023;
approved after reviewing 30.10.2023;
accepted for publication 01.11.2023*